

Жизнь. правда. - 1994 - 19 марта - 2.8

...А почему у тебя такая толстая ножка?

Новую эстетику балетмейстера Панфилова художнику не понять

Ну, в общем, Панфилов опять учудил. «Балет толстых». Именно балет, он непременно подчеркнет.

В ноябре прошлого года объявление в местной газете: мол, Евгений Панфилов набирает новую труппу. Приглашаются мужчины и женщины от 80 до 130 килограммов. Хохма?

Народ, разумеется, попер. В смысле, толстые. Все ж таки имя. На Панфилова здесь рвутся поболее, чем на знаменитый классический пермский балет. Сам он — всяческий лауреат международных конкурсов балетмейстеров; куча приглашений — хоть в столицу, хоть в заграницу. Первый в городе (а может, и в России) частный театр — его, панфиловский. Вниманием — нет, не обделен. И вот на тебе: «Балет толстых». Выпендривается? Жлобствует? Жирует?

...Несколько месяцев назад в Москве — фестиваль пермских театров. Как это раньше? ...кой культуры. Эдак потечески, похлопывая по плечу, потрещивая по щеке. Ну и театр Панфилова, конечно же, — жемчужина, выросшая в глубинке. Он привез «Остров мертвых» на музыку Рахманинова — свой самый тяжелый и самый любимый спектакль.

И вот тут-то Панфилову предложили: а слабо поставить его спектакли со «звезда-

ми мирового балета»? Звезды живут в разных частях земного шара. И иногда съезжаются, чтобы поплясать вместе. Панфилов сказал: посмотрим.

Посмотрим. Сел в тачку, заплакал. От умиления к самому себе и своему творчеству, да? Как же. Плакал он оттого, что у него ни фига не получается, что на носу две премьеры, а работы — выше крыши, что опять загнал себя, что застрял, запутался; что Москва — вся эта толкучка, суета, мишура — и так в ней одиноко.

...Лет десять назад. Сидел он, такой же измученный и запутавшийся, в пермском аэропорту и ждал свой ленинградский рейс. Улетал работать. И жить. Будучи приглашен в труппу «Куклы и балет». Квартира в центре города, гастролы за границей по тем временам — ух ты! Контейнер уже отправлен. Шумно-грустные провода, расставание с родной некогда труппой, прощание с женой...

И вот он остается один и еще минут пятнадцать до посадки, и он берет веточку и начинает чертить на земле таблицу. Левая колонка — «Ленинград». Правая — «Пермь». И плюсики. Под Ленинградом — один, обозначающий «Ленинград». Под Пермью — все остальные. Друзья, близкие, семья, аура,

пермский зритель — все понятия однопорядковые. Все, без чего он не может жить. И даже враги или недоброжелатели, к которым уже привык.

Панфилов рвет билет, рвет будущие гастролы, рвет свою вдруг так удачно начинающую складываться творческую судьбу.

Панфилов возвращается в Пермь. Куда? В эту дыру? К полуразвалившейся труппе? Несчастные полторы комнаты приютившего его Дворца культуры имени Дзержинского? Где и приемная, и гримерная, и швейная мастерская, и примерочная, и унылый пейзаж за окном: скособоленные деревянные домики на пригорке, чумацкий пес, роющийся в куче мусора, скрипучий трамвай.

...И еще лет десять назад. Он, ошалевший от только что увиденного по телевизору фильма-балета с Марисом Лиеной. И он тоже хочет сделать. Сделай...

Деревенька Копачево в Архангельской области. Девять двоек в дневнике. Школа — ну ее к... Год в колхозе — коровы, корма, дерьмо... Потом «интеллигентская» должность — директор сельского Дома культуры.

И он берет черное, вот с такими коленками, трико, ушивает до самого балетного состояния, грохает пару елочных игрушек и сажает осклки бумажным клеем на свой

костюм. И делает номер. Приводящий в шок всю местную публику. И в благоговейный трепет нелетающих пернатых. Номер называется — «Полет»...

Слово «самодетельность» он ненавидит. В этом слове ему, родившемуся в деревне и ставшему знаменитым в непризнательном уральском городе, слышится налет дикого провинциализма. Понятие «профессионализм» для него непонятно. Потому что художник не может быть законченным профессионалом. Художник должен профессионализироваться. А если ты, считающий себя профессионалом, поставил дерьмовый спектакль — это и есть самодетельность.

Премьера для него — день траура. Ждешь ее, как манны небесной, и вот дожидаясь, и зал аплодирует, и... Хочется пить, пить, пить...

Завезшие критики предсказывали:

— Вам повезло. Успейте посмотреть его. Здесь с его талантом делать нечего. Дальше вы о нем будете только слышать. Скорее всего из-за границы.

О, этот националист Панфилов. Да чтобы я из России? Куда? В Америку? Жуткая страна. Иностранцы — это же дикари, задушенные меркантилизмом. Я там просто погибну.

...Премьера толстых прошла, как все панфиловские премьеры. На большой сцене. Блистательно. С полным аншлагом. Зрители аплодировали, бисировали, визжали от восторга. Впрочем, не все и не единодушно. Сурово зазвенели критические стрелы: зачем

Режиссер Евгений ПАНФИЛОВ.

выставил людей на посмешище?

Они, толстые, сами прежде не верили, что все это серьезно. Шутили, смеялись, в перерывах с аппетитом уплетали пирожки. А потом, за несколько дней до премьеры, вдруг осознали: какие шутки?

«Шутки» вылились театру в 12 миллионов рублей — в два раза больше, чем обычно. Все же формы — на уровне рубликов, на один костюм материала в три раза больше надо, чем обычному тонкому. А сколько пота ушло, натурально, пота, чтобы просто научить их двигаться вместе. Работали... Но... Панфилов, тебе это надо?

А он недоумевает. Что значит — надо? Или — не надо? Это — балет. Со своими чувствами, эмоциями, познанием мира. Где-то — да, смешной, ироничный. Где-то чуть-чуть сентиментальный. Да, есть элемент рекламы, элемент эпатажа, желание пробудить интерес к себе и к своему театру. Но это — не комедия. Это новая эстетика — эстетика балета толстых. Кстати, толстые, оказывается, очень пластичны...

А что дальше? Панфилов намерен делать с толстыми новый, серьезный спектакль. Не стоило городить огород ради одного только эксперимента.

...Через неделю после «Балета толстых» у Панфилова — новая (очередная) премьера. На этот раз со своей основной труппой.

Андрей НИКИТИН.
(Наш корр.)

Пермь.
Фото Галины ТИУНОВОЙ.

Сцена из «Балета толстых».